

Часть I

Пролог

— Только бы не упасть! — пробормотала Олеся, пытаясь напиться из ручья, и, конечно же, ее нога соскользнула с влажного камня, и девушка рухнула в прохладную воду. — Черт! Мне вечно не везет!

Олеся была готова расплакаться, куртка испорчена, даже свитер весь мокрый, не говоря уже о джинсах и ботинках. Как теперь в таком виде возвращаться к ребятам?

От костра слышался звонкий смех и чьи-то перепуганные вопли. Потом еще один взрыв хохота.

«Сейчас будут надо мной потешаться», — поежилась Олеся то ли от холода, то ли от предстоящей встречи с друзьями. Нет, ну надо же было упасть в ручей именно сегодня, когда Павлик решил пойти с ними в поход.

Семнадцатилетний Павлик был тайной любовью девчонки, правда, не такой уж и тайной, так как о ее увлечении знали практически все. И подруги, и даже мама, а это уже означало, что Олеска втрескалась не на шутку. Похоже,

что про ее чувства не знал только сам Павлик, но шансов было мало, ох как мало — Павлик, капитан школьной команды по волейболу, спортсмен и красавец, любимец половины девчонок школы, на Олеську внимания почти не обращал. Так, пару раз пригласил в кино, но на этом все и закончилось.

«Даже поцеловать не попытался», — в который раз с обидой подумала она и грустно вздохнула. «А может, это и к лучшему, что не попытался, — внезапно решила девчонка, — я и целоваться-то не умею, еще даже ни разу ни с кем не пробовала».

Олеська была ископаемым, раритетом, «старой девой», так как среди своих подруг оставалась единственной «нецелованной», и девчонки постоянно усаживали ее «на карты», чтобы те, по древнему поверью, «говорили» правду. Но все равно над ней потешались, так как у многих ее одноклассниц уже и опыт интимных отношений был, а Олеська даже не целовалась. И это почти в восемнадцать лет.

И не сказать, что она была уродлива и ребята не обращали на нее внимания, нет, совсем даже наоборот. Олеська — яркая, натуральная блондинка с зелеными глазами, и не глупа была, и посмеяться любила. Вот только одевалась она как-то бедненько и скромно, словно боялась выделиться из толпы сверстниц.

— Ты куда пропала? — Олеська вздрогнула и подняла глаза. Павлик стоял рядом, ежеминутно сплевывая на землю, он курил сигарету и крайне невозмутимо ковырял носом кроссовки камешек. — Ты чего мокрая вся?

— Упала... в ручей, — заикаясь, ответила Олеся и внезапно рассмеялась. Ей так хорошо стало, и это только потому, что парень стоял рядом.

— Возьми, переоденься, — Павлик скинул свою куртку, а затем стянул через голову свитер. — А то еще простудишься.

— А ты? — Олеська не верила своему счастью. Неужели она прикоснется, нет, даже наденет ЕГО свитер?

— А я не простужусь. — Павлик еще раз сплюнул себе под ноги, а затем также невозмутимо, вразвалочку, пошел к костру. — Переодевайся! — крикнул он, не оборачиваясь. — И иди сушиться!

Олеська, путаясь в рукавах, скинула мокрые вещи и влезла в свитер Павлика. У нее перехватило дыхание и даже закружилась голова — от его вещей пахло костром, сигаретами и классным одеколоном.

«Господи, какая я счастливая», — девчонка больше не ощущала ни холода, ни мокрых ботинок. Олеська была готова еще двадцать раз

упасть в ручеек, лишь бы Павлик снова о ней позаботился.

К вечеру, когда ее вещи уже просохли у костра, ребята стали собираться домой. Залили кострище водой, собрали разбросанные по всей полянке бутылки из-под пива да бумажные тарелки с остатками холодного шашлыка.

Олеська пиво не пила и шашлык не ела. Мясо она не любила, а от пива ее вообще воротило. Поэтому она и Наташка, ее давнишняя подруга, ограничились горячим чайком из термоса.

— Ну? — Мария, негласный лидер их группки, невысокая и полная девчонка, последний раз затянулась сигаретой и скомандовала: — Пошли!

Парни в ответ что-то невразумительно промычали, конечно, они ей не подчиняются, поэтому и с места не двинулись. А девчонки сбились в нестройную стайку и пошагали за Марией.

Олеська замыкала вереницу подруг и постоянно останавливалась: то шнурок развязался, то камешек в ботинок попал. А на самом деле она ждала Павлика, но пацаны не торопились их догонять. Они все еще спокойно сидели у потухшего костра и допивали остатки пива. Кое-кто закурил.

«Это надолго!» — с тоской подумала Олеська и, минуту поколебавшись, побежала вслед за

девчонками, которые уже норовили скрыться из виду.

К остановке они вышли под шквалистый ветер, неожиданно набежали тучи, темное небо то и дело пронзали ослепительные молнии, но дождя пока не было. Девчонки уселись на поваленное дерево, Мария и Оксана снова закурили. Олеська тоскливо вглядывалась в лес, надеясь разглядеть между деревьев ярко-синюю ветровку Павлика. Но в это мгновение подошел автобус, и девчонки, побросав сигаретки, зашли внутрь.

Олеська еще раз обернулась в сторону леса, а затем, едва не разревевшись, юркнула в переполненный салон. Двери закрылись и, натужно урча, автобус поехал в город.

Последняя надежда на то, что ее до дома проводит Павлик, умерла, и теперь Олеська грустно уставилась в окно. Народу в салоне было тьмища, и подруг почти сразу же растолкали в разные стороны. Олеську кто-то припер к задней стенке автобуса, да так, что не вздохнуть.

— А ну, посторонитесь! — Павлик пробивался к ней на заднюю площадку. — Совсем девчонку задавили! А ну, пропустили!

И его действительно пропускали. Ни у кого не было желания связываться с высоким и крепким парнем.

— Ты откуда? — Олеська вся светилась от радости. — Я тебя не видела.

— Я в переднюю дверцу запрыгнул в последнюю секунду. — Павлик протиснулся к ней и загородил ее спиной от толпы. — Ты как?

— Нормально. — Они были так близко друг к другу, что у Олеськи снова закружилась голова.

На повороте автобус качнуло, и Павлик почти упал на нее.

— Прости, — смутился парень. — Толкаются, черти.

— Ничего, — пролепетала покрасневшая Олеська и замолчала. У нее дрожали руки и пересохло в горле.

Автобус снова подпрыгнул на невидимой горке, и Павлик наклонился к ее лицу. Самый первый, самый нежный поцелуй в своей жизни Олеська запомнила навсегда, потому что по буре захлестнувших ее тогда эмоций он не уступал всем ее последующим «взрослым» ночам, вместе взятым.

Глава I

Олеся улыбнулась нахлынувшим воспоминаниям, положила школьный фотоальбом обратно в шкаф, а затем вышла на балкон и закурила.

Прошло шестнадцать лет с того самого памятного поцелуя, а она, оказывается, все прекрасно помнила. И тот дождь, который потом догнал их с Павликом в городе, и то, как бежали они до подъезда, и как потом долго-долго целовались у дверей ее квартиры.

Закрыв за собой балконную дверь, она автоматически помахала руками в воздухе, чтобы разогнать просочившийся с балкона табачный дым, и ушла на кухню. Олеся поставила разогревать котлеты к приходу мужа и раздраженно выглянула в окно. Молодежь, громко смеясь и матерясь одновременно, пила пиво на детской площадке, опираясь на припаркованные рядом иномарки — поколение next, одним словом.

— Мы были другими, — с тоской протянула Олеся и незаметно для себя тяжело вздохнула. Ей ли, учительнице биологии в старших классах, не знать нынешнюю молодежь?

«И почему я сегодня решила посмотреть старый фотоальбом?» Олеся поставила воду на плиту, чтобы отварить макароны.

Они давно потеряли друг друга из виду: Павлик несколько лет назад уехал в другой город, да там и остался. А Олеся вышла замуж за своего бывшего одноклассника — Федечку... Федора... Федора Валентиновича — и была счастлива. Орхидеи на окне выращивала, супы варила, вечерами вязала длиннющие шарфы

и чудовищные свитера. А вот теперь эти воспоминания — к чему?

Жуткая вонь ударила в нос, и Олеська удивленно ойкнула. Котлеты уже давно превратились в угольки, а она так и стояла с ложкой возле сковороды, даже не сообразив выключить газ. Все. Еще одной семейной разборки не избежать. Через полчаса придет Федор и устроит сцену.

— Как мне все это надоело! — Олеська в сердцах бросила ложку на стол, да так, что жирные капли разлетелись по всей кухне, вышла в коридор, накинула плащ и выбежала во двор.

Немного растерявшись, она замерла на месте, а потом двинулась в сторону, противоположную той, откуда обычно возвращается с работы муж. Сейчас встреча с Федечкой в ее планы не входила.

Олеська перебежала дорогу почти перед носом старенького «жигуленка» и, не обращая внимания на яростные сигналы клаксоном перепуганного водителя, двинулась дальше.

Куда? Женщина снова встала посреди дороги.

— Здравствуйте, Олеся Викторовна! — Девчонки из ее школы удивленно приостановились рядом. — Вы что-то ищете?

— Здравствуйте, девочки, — отшатнулась Олеся и, ничего не ответив, понеслась дальше.

Неделю назад она вот так же сорвалась с места и отправилась бродить по городу. Но Павлика в тот день она еще не вспоминала.

Олеська никак не могла собрать мысли в стройную цепочку, словно жемчужинки с порванных бус, они раскатывались в разные стороны.

— Да что же это такое? — всхлипнула Олеся и сдавила виски пальцами.

Неужели это «обычный» кризис семейной жизни, умноженный на стресс от невозможности забеременеть вот уже много лет подряд?

И снова, как и в прошлый раз, Олеська вышла к небольшому базарчику на окраине города. Справа тянулась железнодорожная ветка, а слева базар подпирала грязная река с красивым названием Сладкая.

Да, умели раньше давать имена, вполне возможно, что пару веков назад речная вода действительно имела сладкий вкус, сейчас это выяснить уже было невозможно. Птицефабрика на одном берегу и городская ТЭЦ на другом окончательно превратили полноводную реку в грязное болото. Естественно, запах в округе стоял соответствующий. Олеся, известная «нюхачка» и ярая почитательница всевозможных дезодорантов — освежителей воздуха, только в очередной раз удивилась своему выбору маршрута. Ее словно тащили сюда на веревке.

Небольшой импровизированный рынок пользовался явным успехом у не слишком богатой части города. Здесь продавали на больших кусках бумаги, брошенных прямо на землю, мясо и птицу. Рядом ютились бабульки с домашним творогом и парным молоком. Китайские шмотки на открытых прилавках и небольшой антикварный магазинчик, куда и забрела в прошлый раз Олеся. Покосившаяся вывеска, написанная от руки масляной краской, «Антиквариат — дешево».

Олеся толкнула дверь и вошла внутрь; как и неделю назад, здесь было совершенно пусто. На единственной небольшой витрине под тусклым стеклом лежали всевозможные награды, желтые от времени фотографии, значки, монеты, статуэтки, оружие и часы с отбитым краем. Вдоль стены была развешена военная форма и несколько икон.

Вот одна из икон и привлекла внимание Олеси. Еще в прошлый раз икона буквально бросилась ей в глаза: небольшая, сантиметров пятнадцать по диагонали, она представляла собой святого, несущего на руках ягненка. За спиной у святого поднималось солнце, а правой рукой он прижимал к себе посох.

— Вы что-то хотели? — Невысокий грузный мужчина, явно кавказского типа, оценивающе взглянул на Олесю, но тут же безразлично

отвел взгляд. Грустная и серая, без косметики и с хвостиком на голове, она его не заинтересовала.

— Да. — Олеся протянула руку. — Вот эта икона. Что она означает?

— Эта? — Мужчина вытер жирные руки о футболку на животе. — Эта? Не знаю, барана куда-то несут. — Он безразлично зевнул. — Брать будете?

— Сколько? — Олеся сама поразилась собственной наглости. В ее сумке лежали последние деньги, выделенные Федечкой на «хозяйство», и тратить она их не имела никакого права.

— Пятьсот. — Мужчина замялся и еще раз взглянул на Олесю. — Брать будете, отдам за четыреста пятьдесят.

— У меня только четыреста тридцать, — растерялась Олеся и вцепилась в ручку сумки.

Она и сама не могла понять свои чувства, зачем ей эта икона? Наверное, будет лучше, если этот толстый кавказец сейчас ей откажет?

— Бери, — отмахнулся мужчина и протянул ей икону.

— Спасибо. — Олеся положила икону в сумку, и чувство, что кроме антикварной вещи она вернула и еще что-то очень важное, ее не покидало.

Глава 2

— Тебе нечего мне сказать? — Воронин зло мерил комнату шагами. Марина сидела, сторбившись на диване и молчала. — Ну?

Женщина даже не шевельнулась, слезы бежали по ее щекам.

— Чего ты молчишь? — Мужчина был в бешенстве. Он подбежал к своей куртке, висящей на спинке стула, и достал сигареты. — Чего ты молчишь? — почти заорал он, пытаясь прикурить от дрожащей спички.

Маринка продолжала упрямо рассматривать собственные ноги и не проронила ни звука.

— Все, с меня хватит! — Воронин сорвался на крик. — Мы совершенно не понимаем друг друга!

— Я развода тебе не дам. — Женщина качнулась и подняла к нему лицо. Ее глаза были безумно усталыми. — Развода я тебе не дам, а если ты уйдешь, то я умру, — тихо повторила она и снова опустила голову.

— Я не могу так больше! — Воронин вылетел в коридор, опрокинув по дороге стул, который упал с невообразимым грохотом.

Марина вздрогнула. Словно выстрел, оглушительно хлопнула входная дверь, и Марина вздрогнула еще раз.

Воронин вылетел на улицу и помчался куда глаза глядят. Завернув в первую попавшуюся

закусочную, он заказал себе двести граммов водки и снова закурил.

За соседним столиком сидела компания уже пьяненьких подростков. Четыре пацана и две грудастые, вульгарно раскрашенные девицы. Третья же, блондиночка, удивительно напомнила ему о его первой любви, и Воронин внезапно ударился в воспоминания, но тут же одернул сам себя. К чему все это?

Как там? «Все прошло, как с белых яблонь дым»? Или «с белых яблонь цвет»?

По-моему, она любила Есенина, начитанная девочка, вот только из неблагополучной семейки, как любил выражаться Воронин-старший.

«Ты достоин лучшей!» — Словно таблицу умножения, он вдабливал эту фразу в голову своему чаду.

Иван Степанович был толст, стар, но «цену» себе знал твердо, и это знание стремился передать Воронину-младшему.

Мужчина залпом выпил водку и вышел из прокуренного помещения. И снова куда глаза глядят, домой возвращаться не хотелось. Его жена была идеальной женщиной, настолько идеальной, что от ее совершенства просто сводило зубы. Марина не пила, не курила, не сплетничала, никогда не устраивала ему скандалы, не упрекала, а только тихо и жалобно плакала, если он ее обижал. А обижал Воронин жену часто.

«Может, мне любовницу завести? — в подвыпившую голову мужчины приходили несвойственные ему мысли. — Немного любви, немного тепла, вокруг полно одиноких девушек!»

Так куда же пойти? Воронин встал посреди улицы и удивленно огляделся — мать честная, весна уже, а он и не заметил. Полно красивых девчонок, короткие юбки, длинные ноги, страстные взгляды.

Мужчина приободрился.

— В конце-то концов, — пробормотал он, покупая пиво и усаживаясь на скамейку в городском саду. — Еще не все потеряно!

Он пригубил ледяной напиток и даже зажмурился от блаженства.

«Хорошо-то как!» — успел подумать он, как к нему на лавочку подсели две молодые женщины.

— Можно? — спросила одна, маленькая и толстенькая, она напредила Воронину деревянный брусок. Ее подруга была не намного лучше, разве что похудее.

— Нельзя, — рявкнул Воронин. — Я жду друга!

— Нахал, — пропищала толстуха, и дамы гордо удалились на соседнюю лавочку.

— Старухи. — Воронин закурил и отвернулся.

Он не любил некрасивых женщин, Воронин любил роскошных красоток, но они почему-то

не любили его — почти сорокалетнего, толстого и унылого мужчину. Вот в молодости да, эти красотки сами ему на шею вешались, а сейчас мимо проходят, стервы. Тогда они ему были на фиг не нужны, Павлик копался в девчонках как курица в навозе, а теперь он им не нужен. Вот такая диалектика. И хотя его первая жена была по-настоящему привлекательна, вторую же, Маринку, он сознательно выбрал страшненькую. Скорее даже, чтобы угодить вездесущему папе, который на этот раз остался доволен выбором сына. Маринка была из богатой семьи, прекрасно воспитана, с высшим экономическим образованием, а с лица воду не пить, да и потом, жена не должна быть красивой, это же не любовница!

Мужчина поежился, неожиданно холодный порыв ветра заставил его приподнять воротник куртки. Он огляделся и с раздражением отметил, что ни одной мало-мальски привлекательной особы женского пола в пределах видимости нет.

— Что за бабы пошли? — зло выругался Воронин, вставая со скамейки. — Толстые ляжки, короткие ножки, и куда подевались все красотки?

Мужчина вяло потащился домой, уже предвкушая очередную слезоточивую семейную мелодраму, когда навстречу ему буквально выпрыгнула маленькая, рыженькая девушка:

— Привет! — улыбнулась она, обнажая белоснежные зубы. — Закурить есть?

Воронин бегло окинул рыжую «кошечку» взглядом с головы до ног и остался доволен увиденным.

— Есть. — Он протянул девчонке сигареты и помог прикурить. — Куда спешешь?

— Да, в общем-то никуда, — протянула «кошечка» и засмеялась.

— Тогда пошли, выпьем? — предложил Воронин и развязно улыбнулся. — А?

— Пошли, — девчонка поежилась. — Холодно сегодня!

Они двинулись в сторону ближайшего кафе, и настроение у Воронина моментально поднялось на десять пунктов. Он уже мысленно представил себе «кошечку», распластанную на постели в дешевой гостинице, и возбужденно потер руки.

— Ну, давай знакомиться. Как тебя зовут? — спросил мужчина, вольно обнимая ее за худенькие плечи.

— Белка, — ответила девчонка, и Воронин вздрогнул:

— Как?

— Все зовут меня Белка, — «кошечка» пожала плечами. — А что?

— Ничего, — буркнул мужчина и ухмыльнулся. Это надо же, какое совпадение!

Глава 3

Дождь шел уже четвертый час, и Анжи с тоской уставилась в темное небо.

— Да, не везет так уж не везет, — протянула она и с опаской оглянулась.

Слава богу, что муж не услышал, вот попало бы ей, заговори она вслух на родном языке!

Пожилой мужчина крепко спал, свесив руку с кровати. Анжи взглянула на него еще раз и передернула плечами.

— Гадкий, — одними губами пробормотала она и вышла на балкон.

Жара стояла страшная, даже в тени в это время года температура не опускалась ниже 35 градусов, а уж на солнце — и все 42, май, самое пекло.

Анжи, родившаяся в России и имевшая родное имя Аня, страшно скучала. Она так и не привыкла за год семейной жизни ни к этой стране, ни к своему «богатому» мужу. Дичайшая жара ее раздражала, узкоглазое население откровенно бесило, а вчера еще выяснилось, что ее муж, пятидесятидвухлетний Ия, решил завести себе вторую жену. Причем вторая жена еще и гораздо моложе ее, а так как Ане недавно стукнуло двадцать шесть, то она, наивная, считала себя вполне застрахованной от любовных похождения мужа на сторону.

Да, глупо было соваться в эту авантюру, даже не зная местных обычаев. Оказывается, чуть ли не половина тайцев имеет «вторых жен», хотя полигамия у них официально запрещена чуть ли не век назад. Но этот факт никого не останавливает, вот и Ия поставил ее в известность, даже не посчитав нужным объяснить, что и почему.

— Ей семнадцать, и она моя вторая жена, — бросил он Анжи и пошел спать.

А потом зачастил этот дождь, и Ане стало совсем плохо. Только теперь, когда ей грозила реальная угроза уехать из Бангкока, где она проживала вместе с мужем, в отдаленную деревеньку на восточном побережье Малаккского полуострова, она испугалась по-настоящему. Здесь была какая-никакая, а цивилизация, а там змеи, малярийные комары, в общем — тропики.

Аня теперь просто ненавидела себя за ту дурацкую затею, в которую она влезла полтора года назад. После оглушительного краха ее личной жизни, оказавшись одинокой и временно брошенной, она решила, скорее от отчаяния, нежели действительно этого желая, утереть всем нос и разместила объявление о знакомстве на сайте знакомств в Интернете.

«Молодая, красивая, не обремененная детьми и уже не замужем ищет состоятельного господина» и все такое.

Первый же ответ пришел от Ия. Боже, как он тогда старался: и денег у него немерено, и жить она будет как королева, и лет ему «все-го-то 42». И Аня сдуру согласилась. На самом деле оказалось, что Ия не так уж и богат, зато непомерно жаден и любит приврать. И вот теперь — вторая жена.

Только при одной мысли, что ее законный муж сначала будет тискаться с тайской девкой, а потом полезет на нее, Анжи чуть не вывернуло наизнанку.

— Не бывать этому, — буркнула она и призадумалась.

А что можно сделать? Вчера, когда Аня крайне вежливо выразила свое несогласие по этому поводу, Ия пригрозил ей выселением в глухую деревеньку. Ужасно, а всему виной ее импульсивность и крайняя степень доверчивости, ну нельзя же быть такой легкой-верной!

Аня мысленно стукнула себя кулаком по лбу и снова задумалась: как ни крути, а пока выхода нет, нет. Ее документы надежно спрятаны у мужа в сейфе, личных денег ей не полагалось, и обратиться за помощью было не к кому. На родине ее тоже никто не ждал, даже в долг попросить не у кого. Родной папаня успел обзавестись новой семьей, едва прошло сорок дней матушки. Новая жена папы крайне не

приветствовала встречи с Аней, мачехе было тридцать, у нее были узкие губы, выщипанные брови и надменный взгляд, а также имелся сын десяти лет и большое брюхо, скорее всего, месяце на восьмом. Поэтому третий «ребенок» папаше был совсем не нужен, и он моментально прекратил с Аней все контакты. Тогда она особо и не переживала по этому поводу, у них с отцом всегда были натянутые отношения даже при жизни матери, а уж после ее смерти и подавно.

И все бы ничего, если бы ее собственный муж не подал на развод, совершенно неожиданно, как говорится, с ровного места. Хотя Аня, конечно, понимала, что грандиозную роль в ее расколовшейся семейной жизни сыграла ее тонкая душевная организация. Муж ее почти никогда не понимал, но все равно было обидно. Буквально до слез. Тогда и пришла ей в голову эта авантюра с международным знакомством.

Почему именно Таиланд? Ну, тепло, море, все дела, да и коллеги с ее работы как раз отдыхали там и привезли массу ярких впечатлений. Как они ей тогда завидовали!

Аня ухмыльнулась, знали бы они, какая разница между недельным отдыхом и постоянной жизнью в Бангкоке.

Глава 4

В квартире было тихо, но до сих пор пахло гарью. Олеся осторожно скинула туфли и, стараясь производить как можно меньше шума, двинулась в спальню. Она хотела спрятать икону до того, как Федечка начнет на нее орать, Олеся почему-то показалось неприличным, если их ссору услышит нарисованный святой.

— Нашла о чем думать, — пробормотала Олеся и вздрогнула.

Весь ковер в спальне был завален землей и битыми черепками, кругом валялись белые и голубые лепестки и поломанные, сочные стебли.

Женщина вскрикнула и, забыв про икону, опустилась на пол.

— Ты что это сделал? — закричала Олеся и, вскочив на ноги, кинулась в другую комнату. — Зачем?

Федечка сидел с неподвижным лицом у компьютера, на голове у него были наушники.

— Зачем? — она рванула его за плечо. — Зачем?

— Что зачем? — Федечка начал свою коронную игру, которая называлась «вопросом на вопрос». — Что зачем?

— Зачем ты разбил все мои орхидеи? — Олеся громко всхлипнула. — Они же живые... были...

— Кто? Кто был живой?

— Цветы. — Женщина тяжело вздохнула и опустила лицо. — Зачем?

— Что зачем? — Федечка оставался, как всегда, невозмутим.

Он еще раз пренебрежительно оглядел жену с головы до ног, а затем как ни в чем не бывало продолжил играть. На экране монитора полз жирный змей и жрал какие-то разноцветные шарики.

Сегодня они спали в разных комнатах. Олеся зачем-то положила икону под подушку, но потом ей вдруг стало страшно. Она в темноте встала с постели и поставила ее на стол.

— Так будет лучше, — решила женщина и снова легла на диван, но сон к ней не шел. Олеся старалась ни о чем не думать, никого не вспоминать и спустя полчаса задремала.

— Привет! — такой знакомый и ужасно родной голос.

— Ты? — Олеся удивилась и тут же испугалась. — Павлик?

— Я. Позвони мне. Я жду.

— Но... — она откинула мокрую прядь со лба, — у меня нет твоего номера!

— Записывай. — И Павлик начал диктовать цифры.

Звон будильника моментально вернул все на свои места, Олеся вскочила как ужаленная и протерла глаза.

Хлопнула входная дверь, Федечка ушел на работу раньше обычного. Олеська облегченно вздохнула, хорошо, что удалось избежать утренней «промывки мозгов».

Женщина опустила ноги на ковер и поежилась. Несмотря на весну, по утрам было еще довольно холодно, и открытый на ночь балкон выстудил всю комнату.

«Орхидеи замерзнут!» — испугалась Олеська, а потом вспомнила, что все, нет больше орхидей, и закурила прямо в постели, чего некурящий муж просто не выносил.

Олеся курила и злилась, ей стало так обидно, словно вчера Федечка убил их родного ребенка.

Женщина тяжело вздохнула: погибла огромная коллекция из двадцати восьми цветков, собиравшаяся по крупинкам в течение трех лет, а скоро на носу ежегодная городская выставка, которую она так ждала.

— Зачем? — еще раз повторила Олеся, словно пустая комната могла ей чем-то помочь, и начала собираться в школу.

Сегодня был первый день выпускных экзаменов, и опаздывать категорически запрещалось.

Олеся напялила серенький костюмчик, собрала волосы в хвостик и понеслась на работу.

Возле булочной она столкнулась с Татьяной Борисовной, учительницей английского языка. Тоже молодая и начинающая, Татьяна Борисовна была просто пропитана карьерным ростом и «правильным воспитанием подрастающего поколения».

— Здравствуйте, Олеся Викторовна. — Татьяна Борисовна сделала недовольную мину. — Вы представляете себе, что позволяют себе нынешние детки?

— Что? — Олеся пыталась вспомнить цифры, которые ей диктовал во сне Павлик, и совсем не слушала Татьяну. — Что?

— Я говорю, — тщательно прожевывая каждую букву, ответила женщина, — что у современной молодежи нет никакой морали. Вот вчера, например, я видела Соломонову из десятого «А», она целовалась около подъезда с мальчиком. Прямо на улице! Возмутительно!

Олеся про себя усмехнулась, год назад Татьяна Борисовна, не состоящая в браке, родила девочку неизвестно от кого. И всему педагогическому составу пятьдесят шестой школы, конечно, было известно, что мужа или даже постоянного друга у нее нет.

— Почему возмутительно? — Олеська зачем-то ввязалась в этот глупейший разговор. — Они, наверное, любят друг друга?

— Любят? — Татьяна Борисовна сотряслась от праведного гнева. Орлиный нос покрылся красными пятнами. — Любят? Вот поставят штамп в паспорте, потом пусть и любятся!

Олеся еще раз пожала плечами и промолчала. Наконец они поднялись наверх, и Татьяна Борисовна толкнула тяжелую школьную дверь.

— Проходите, Олеся Викторовна. — Молодую учительницу разрывали какие-то сомнения. — А вы, ну, собираетесь в экспедицию?

— В экспедицию? — Олеська замерла на месте, и тотчас на нее налетели две девочки-первоклашки:

— Извините, — пискнули девчонки и помчались в столовую.

— Какая экспедиция? — Олеся ничего не понимала. — Я первый раз об этом слышу.

Татьяна Борисовна залилась краской и отмахнулась:

— Ну, значит, я что-то перепутала, — и быстрым шагом пошла к учительской.

— Подождите, — Олеся догнала ее через пару метров. — Что за экспедиция? Куда?

Вместе они зашли в кабинет, а Олеся продолжала громко вопрошать:

— Да объясните же мне наконец!

— Здравсте! — «Физкультурник» Семен дурашливо поклонился вошедшим женщинам.

Татьяна Борисовна надменно поджала губы, а Олеся приветливо улыбнулась в ответ.

— Вы что, Олеся Викторовна, до сих пор ничего не знаете про школьную экспедицию? — Учительница географии Мария Соломоновна подошла вплотную. — Как это вы так умудрились?

— Ничего не понимаю. — Олеся без сил опустилась на стул. — Все меня спрашивают, но никто, никто ничего не объясняет.

— Я объясню. — Зоя Михайловна слоновьей походкой прошла в свой кабинет. — Зайдите ко мне, Олеся Викторовна.

Олеся удивленно вытаращила глаза, но, покорно опустив голову, вошла в кабинет завуча.

— Здравствуйте, Зоя Михайловна.

— Привет, привет. — Завуч не обращала на Олеску никакого внимания. Она медленно стянула с себя плащ, потом так же медленно повесила его на плечики, подошла к зеркалу и чуть подправила тщательно уложенные блондинистые волосы. Потом села напротив Олеси и еще некоторое время с интересом разглядывала длиннющие перламутровые ногти на руках. — Так, значит, вы ничего не знали? — с поддельным удивлением переспросила она.

— Ничего, — Олеся мотнула головой. — Сегодня меня про это спросила Татьяна Борисовна!

— Да? — Завуч подняла брови «доми-ком». — А зачем?

— Что зачем? — Олеся была совершенно сбита с толку.

— Вы опаздываете. — Зоя Михайловна как бы ненароком взглянула на часы. — У вас сейчас начнется экзамен. Зайдите ко мне завтра, вот тогда и поговорим.

Олеся молча поднялась и вышла из кабинета, на душе было муторно, словно от нее скрыли что-то важное. Но стоило ей переступить порог своего класса, как она тотчас забыла обо всем, всматриваясь в напряженные мордашки «выпускников».

— Здравствуйте, давайте начнем. — Олеся подошла к учительскому столу.

И начался обычный рабочий день.

К обеду в классе остался только один мальчик Влад — красный, с испариной на лбу он пытался рассказать про «растительность тропических лесов Азии».

— Ну, значит, так, — наконец подытожил свой рассказ парень и облегченно выдохнул. — Сколько?

— Три, — ответила Олеся и улыбнулась. — Мало?

— Мало. — Влад обиделся. — Папа специально для нашей школы поездку организовал, а вы мне тройку ставите! — И надул губы.

— Какую поездку? — Олеся удивленно подняла глаза.

— Да ладно, будто вы не знаете!

— Не знаю. Честно.

Влад удивленно взглянул на училку и объяснил:

— Вы знаете, кто мой папа?

— Конечно. Один из самых известных предпринимателей нашего города. А что?

— А то! — Влад потер руки. — Его наша директриса попросила спонсировать поездку в Азию, и он согласился. Насколько я знаю, туда едут несколько училок, парочка ребят и завуч. А вы разве не собираетесь?

— Я? Нет. А зачем мне туда ехать? — Олеска все еще не могла понять, что это и есть та самая загадочная экспедиция, про которую сегодня утром интересовалась Татьяна Борисовна. — Что мне там делать?

Влад ошарашенно уставился на Олесю:

— Так, это, ну, едут-то за орхидеями. Вы чего? Ведь вся школа знает, что ваш музей орхидей должен в этом году выступать на областной выставке.

— В городской, — машинально поправила парня Олеся и переспросила еще раз: — А зачем твоему папе это надо?

— Так это, благотворительность — это модно, да и характеристика мне нужна для инсти-

тута, — гоготнул Влад. — А вы что, серьезно, ничего не знали?

Олеся мотнула головой и молча протянула парню дневник:

— Мне идти?

Олеся утвердительно кивнула и, как только Влад вышел из класса, быстренько собрала все бумаги и рванула в учительскую.

— Зоя Михайловна на месте?

И, не дожидаясь ответа, зашла в кабинет.

— Почему я об этом ничего не знала?

— Ну, во-первых, добрый день, — завуч недовольно оторвалась от чтения какого-то женского журнала. На развороте красовалось ухоженное личико модели. — Садись.

Олеся села и выразительно замолчала.

— Не надо на меня так смотреть, милая! Эта экспедиция на Малаккский полуостров, по его восточному побережью, к Южно-Китайскому морю.

— Но музей-то орхидей я организовала! — не выдержала Олеся. — А вы меня даже в известность не поставили.

— В вашем музее нет ни одного цветка! — взорвалась завуч.

— Конечно, потому что вы там уже второй месяц делаете ремонт, и цветы я держу дома! — огрызнулась Олеся. «Сволочь ты, Федечка, как меня подвел».

— Ну, это не важно. — Зоя Михайловна взяла себя в руки. — Просто мы решили, что вы туда не захотите ехать. Там комары, эти, как их, малярийные, гады всякие.

— И кто туда едет? — Олеся уставилась на женщину тяжелым взглядом.

— Влад Тихомиров из одиннадцатого «А», парочка преподавателей из местного университета, ну, еще Татьяна Борисовна, в качестве переводчика, я, и сам Тихомиров, естественно.

— А биологи вам в этой поездке не нужны? Я правильно вас поняла? — Олеся саркастически ухмыльнулась. — Действительно, орхидеи может собрать и переводчик.

— Ну прекратите, — завуч поморщилась как от зубной боли и перешла на «вы». — Вы все равно уже не сможете с нами поехать.

— Почему?

— Потому что вам надо было сделать кучу прививок, а для некоторых нужна повторная вакцинация. Да и нельзя ставить прививки за один раз, кучей, так сказать, организм-то не справится.

— Я поеду так. — Олеся сама не понимала, что на нее вдруг нашло.

— Рискуете, — зло отчеканила завуч. — Очень рискуете.

— Ничего страшного. Так, когда мы собираемся? — Олеся сделала ударение на слове «мы».

— Через две недели, седьмого июня. Подумайте, Олеся Викторовна, хорошо, а завтра мы с вами поговорим об этом еще раз.

Олеська, не прощаясь, вышла из кабинета и почти выбежала из гимназии.

«Значит, они решили меня кинуть. Ну то, что мать Татьяны Борисовны — подруга нашей директрисы, все знают. Значит, в экспедицию едут одни “блатные”, отдыхать на халяву, мать их!» Олеська, зло хмурясь, бежала домой.

Немного успокоившись, уже за кружкой ароматного чая с вареньем Олеська решила, что действительно, зачем ей туда ехать? Далеко и страшно, а музей все равно придется просто закрыть. На время.

— К чему мне эти приключения на одно место? — вслух спросила себя Олеся и окончательно решила: — Не поеду.

Федор пришел, как и ожидала Олеся, с двумя горшками орхидей и искренне попросил у жены прощения за вчерашнее:

— Олеся, я так взбесился, когда вернулся домой, котлеты сгорели, вода из кастрюли выкипела, вонь страшная, а тебя дома нет. Ну ты же женщина, как так можно? Мне иногда кажется, что, кроме твоих орхидей, тебя вообще больше ничего не волнует, даже родной муж.

Глава 5

Марина ждала Воронина, сидя у окна в спальне, неподвижно и обреченно, словно верный пес Хатико.

К пяти утра у нее потемнело в глазах и стало тошнить от усталости и напряжения. Ей казалось, что кто-то стучится в дверь, и тогда она бежала открывать, а там — никого.

Марина поняла, что это последний сигнал от измученного организма и решила немного взбодриться. Женщина прошла на кухню и сварила крепчайший кофе, такой крепкий, что он казался почти густым. Красная кружка, на удивление, хранила отпечатки чьих-то грязных пальцев, но Марина только безразлично отметила пятна и вылила содержимое «турочки» в стакан. Вкуса кофе она не почувствовала, просто пила обжигающую жидкость и старалась не думать про загулявшего мужа. Сотовый телефон Воронина был отключен, и где он провел эту ночь, Марина знать не хотела. Размышляла она и о том, что потерять Воронина не может, просто не может ни при каких условиях. И тут же ей так некстати вспомнился Дима, можно сказать, случайный знакомый.

Когда муж к ней так откровенно охладел и секса в их жизни стало меньше, чем гряз-

ной посуды в мойке, Марина решила завести себе друга, чтобы заставить Воронина ревновать.

С Димой они познакомились на книжной выставке, и с первой же минуты он проникся к ней симпатией. Сбегал в буфет, купил два апельсина, как выяснилось позже, это был первый и последний знак внимания, и начал говорить. Долго и умно. О теософии и нашем месте в этом мире, о порочности денег и всепродажности, о том, как его не понимает жена и как он больше физически не может спать в обнимку с темнотой.

Марина слушала вполуха, разглядывая ужасные, дешевые ботинки «гения», старые брюки с вытертым до блеска задом, небритое лицо и огромные прыщи на шее. Почему-то именно прыщи просто приковали ее внимание. Она хотела, искреннее хотела, послушать про великое и прекрасное, о котором с таким воодушевлением говорил Дима, а ее взгляд, как назло, намертво прилепился к вулканообразным наростам с белой головкой.

Марину передернуло, и она поняла, что переспать с Димой не сможет ни при каких условиях, поэтому оставался второй вариант — дружить. А для настоящей дружбы надо было понять тонкую душу непризнанного гения. И они начали встречаться.

Дима носил ей книги, много умных книг, рассказывал про Штаты, куда он выезжал по работе пару раз. Новый знакомый оказался преподавателем местного университета, этакий книжный червь с замашками киношного ковбоя, наверное, его идеалом был Индиана Джонс.

Марина страшно боялась, что их увидят вместе на улице, таким жалким, мятым и потрепанным выглядел «Индиана Джонс», и поэтому, когда Дима пригласил ее в пустую аудиторию поговорить, моментально согласилась. Что тогда на нее нашло, она и сама не знала, но под тусклым взглядом непризнанного гения Марина, опустив глаза в пол, рассказала о себе все. Все без утайки, практически первому встречному человеку. Наверное, так сказался дефицит общения. Дима ее внимательно выслушал и посоветовал подать милостыню.

— Тебе сразу же будет легче! — уверенно заявил он. — В наше время женщины стали такими меркантильными. И думают только о деньгах!

На Диме была рубашка неопределенного цвета с закатанными рукавами, все те же брюки и безобразные сандалии, так некстати демонстрировавшие рваный носок и желтый, больной ноготь на большом пальце правой ноги.

Марина только на третьей встрече решила рассмотреть своего друга поближе. Да, все та-

кая же ужасная небритость на худом, впалом лице, давно немые волосы и хлопья перхоти на плечах.

Марина размышляла, почему «гений» не моется, а Дима пересказывал ей один из рассказов О. Генри.

Четвертой встречи не было. Они поговорили по телефону, и Марина поняла, что ее просто по-настоящему тошнит.

Дима долго пересказывал ей один из романов Лукьяненко, потом пустился в разговоры о вечном, о глупости женщин и о продажности людей.

И Марина не выдержала:

— Дим, но ведь все мы работаем и из-за денег тоже. Почти все. Деньгами могут не интересоваться только безумные или дети олигархов. Как ты не понимаешь? Деньги — это лекарства, это образование для детей. Просто не надо возводить их в культ и не надо зарабатывать их любыми способами. Вот и все. Но к чему отвергать огромную роль денег в жизни человека? Я не отрицаю призвание человека в жизни, альтруизм, но деньги — это слишком серьезно, чтобы их игнорировать вообще.

Дима долго молчал, а потом выдал:

— Надо думать о спасении души, о творческом взлете, а не о материальных благах.

Марину прорвало:

— У тебя дети есть? Есть? Сын, говоришь? Десяти лет? Понятно. И что, кто его содержит? Кто покупает ему игрушки, кто будет оплачивать его образование? Да кто его просто кормит? Жена? Здорово. А ты, значит, занимаешься вечным? А чем, можно спросить? Где твои шедевры? Творческие взлеты, как ты говоришь, к чему привели? Ты сделал хоть что-то путное в своей жизни?

Марина едва сдержалась, чтобы не посоветовать Диме сначала вымыть шею и сменить брюки, а уж потом говорить о вечном.

Дима повесил трубку, напоследок сказав ей, что она обыкновенная меркантильная дура.

И Марина облегченно выдохнула, ее только смущало, что она не успела отдать гению три книги в рваном пакете, который тот сунул в руку при последней встрече.

Дружбы тоже не получилось, мужу ревновать было не к кому.

А Воронин так и не пришел. Стрелка на часах едва дернулась и застыла на цифре семь.

Семь утра. Марина поднялась со стула и пошла одеваться. Впереди был долгий рабочий день.

На улице ее настроение немного поднялось, может быть, так подействовала наступившая весна и великолепная погода, а может, просто утренний кофе наконец начал действовать.

Насколько Марина помнила, вычитав в каком-то умном журнале, кофеин возбуждает организм минут через сорок после его употребления. Или через тридцать. Или через два часа.

Марина шагнула в полупустую маршрутку и протянула мелочь за проезд. Водитель резко двинулся вперед, и ее хорошенько занесло в сторону.

Громко ойкнув, Марина повалилась на молодого мужчину кавказской национальности, сидевшего рядом.

— Простите, — пробормотала она, судорожно хватаясь рукой за соседнее кресло.

— Ничего, ничего, — улыбнулся кавказец и отвернулся к окну.

Марина наконец тоже опустилась на свое место и, еще раз мельком взглянув на мужчину, снова ударилась в воспоминания.

Вторым эпизодом в ее поиске «друга-любownika» стал Сережа. Марина умудрилась познакомиться в Интернете, на сайте знакомств, прямо на рабочем месте.

Иногда вечерами, когда все дебиты-кредиты были сведены, она задерживалась под каким-нибудь благовидным предлогом, а сама висела в чате.

Сергей оказался очень вежлив и мягко настойчив, полтора месяца ушло на виртуальное общение, еще две недели Марина взяла

на раздумье, в течение которых Сергей писал ей крайне нежные письма. Потом они начали общаться по телефону, Марина звонила Сергею домой, и они говорили обо всем. Марина без утайки рассказала новому знакомому о том, что замужем, но добавила: «Мы совсем не понимаем друг друга». Сергей рассказал ей о себе, он детский врач, и этот факт сразу же поднял его рейтинг в глазах Марины пунктов на десять. Она почему-то считала, что детский врач не может быть плохим человеком. Еще спустя пару дней Марина дала ему номер своего сотового телефона. И Сергей стал регулярно скидывать милые, задорные эсэмэски. И вот они договорились о встрече.

Марина пришла точно в назначенное время, посчитав все эти заморочки с обязательным опозданием на десять минут, бабской дурью.

Сергей опоздал минут на пять. Еще издали, увидев невысокого, черного, как смоль, кавказца, Марина внутренне напряглась.

— Вы Марина? — Он подошел к ней.

— Я, — пискнула Марина, страшно разочаровавшись.

Она ни в коей мере не была нацисткой, но «лица кавказкой национальности» ее не прельщали, ну никак. Может быть, на ее мнение повлияли шаблонные стереотипы, так как большинство людей в ее городе знали кавказцев

либо как торгашей на рынке, либо как бандитов все на том же рынке.

Марина начала выдумывать какой-нибудь благовидный предлог, чтобы поскорее уйти, и, пока она перебирала в голове всевозможные варианты, Сергей пригласил ее в открытое кафе.

— Пойдем, поговорим, — буркнул он на чистейшем русском языке. И хотя одет он был с налетом «горного» колорита: белая рубашка, кожаная жилетка, черные брюки и обязательные туфли с узкими носами, но смотрелся вполне прилично. Конечно, красивым его называть было нельзя, даже на симпатичного он не тянул.

Марина еще раз тяжело вздохнула и попросила горячий кофе. От пива и вина она категорически отказалась.

А дальше начался цирк. Сергей сел напротив и первым делом заявил, что замужние женщины его не интересуют, как будто этих двух месяцев виртуального общения не было в помине. Далее следовала длинная лекция о нравах его родины, где замужние женщины не имеют права гулять, куда им вздумается, потом лекция о вреде разводов, далее следовала лекция о влиянии разводов на психику людей.

Марина чувствовала себя полной дурой и шлюхой, Сергей (если его, конечно, так зва-

ли) тоже это почувствовал и начал «закручивать гайки».

— Мне женщины вообще не нужны, — наконец договорился он, — я не умею любить, тем более женщин.

— Но ведь так жить нельзя, — пискнула Марина, отпивая отвратительный на вкус кофе из пластмассового стакана. Надо же было хоть чем-то занять свои руки, и тогда она нервно перемешала ложечкой горячее пойло. — А зачем ты меня пригласил на свидание? — рискнула спросить.

— Ну, мне стало тебя жалко, думал, может, ждет девушка, надеется на что-то, — протянул Сергей, закулив в сотый раз, так и не спросив на это разрешения у Марины.

Марина обалдела, даже не зная, как можно среагировать на такую наглую ложь. Ведь именно Сергей последние полторы недели заваливал ее эсэмэсками с просьбой о встрече.

— А надеяться-то не на что, — сообщил наконец кавказец, как-то грустно посмотрев на Марину. — Я привык, что женщины сами ищут встреч со мной.

Марина засобиралась домой, и Сергей вызвался ее проводить. Не доходя до ее дома, она завернула в первый попавшийся двор и сообщила, что они уже пришли.

— Где ты живешь? — поинтересовался Сергей.

— Вон в том подъезде. — Марина махнула рукой наугад.

— Зря ты мне это сказала! — помрачнел Сергей.

— Почему? — в который раз за этот вечер обалдела Марина.

— В женщине должна быть загадка, — выдал кавказец и, холодно попрощавшись, ушел в противоположную сторону.

Едва Марина добежала до своего настоящего дома, как на сотовый пришла эсэмэска от загадочного Сергея: «Тебе действительно было хорошо со мной?»

Как говорится, без комментариев.

Так на поисках друга-любовника Марина поставила жирную точку.

Маршрутка притормозила на остановке «Юбилейный универсам», и Марина засобиравалась на выход. Она работала бухгалтером-кассиром в огромном супермаркете. Но перед тем как юркнуть в открытую дверь служебного входа, она достала сотовый телефон и еще раз позвонила мужу.

«Абонент временно...» Марина жалобно всхлипнула и, не дослушав автоматический голос, бросила телефон в сумочку.

Глава 6

Анжи запрещалось выходить на улицу без сопровождения мужа.

— Это для твоей же безопасности, — объяснял Ия, закрывая дверь на ключ. — Когда я приду с работы, мы погуляем.

Единственной отрадой для Ани теперь был компьютер и все тот же Интернет. Анжи надеялась с его помощью познакомиться с новым мужчиной, на этот раз для того, чтобы сбежать от Ия.

— Ну, Азии мне уже по горлышко хватит, — решила Аня и зарегистрировалась на немецком чате знакомств. — Пора осваивать Европу.

Анжи несколько дней назад разместила свои фото на сайте и теперь с нетерпением ожидала результатов. Но пока в ее личной почте было всего три сообщения, и эти претенденты на ее руку и сердце не выдерживали даже малейшей критики. Один выслал Анжи свое фото, на котором он со спущенными штанами спал на унитазах, а на коленях у него покоилась засохшая блевотина. Анжи вздрогнула и удалила письмо, а адрес «жениха» поместила в «черный список».

— Идиот, какой идиот, — выругалась девушка и поморщилась.

Отвратительная фотография до сих пор стояла у нее перед глазами, словно увиденное обожгло ей сетчатку.

Остальные письма были так, ни о чем — «привет, как жизнь, пиши». Но оба мужчины были далеко возрастные — 55 и 69 лет. При этом один даже выслал свое фото, от которого Анжи лучше не стало, обычный сморщенный старичок — «бюргер».

— Ну, давай же, давай. — Аня нетерпеливо постукивала пальчиками по столу. Далеко не последней модели компьютер долго «грузил» информацию с модема.

Так и есть, пришло новое письмо, Анжи впилась глазами в монитор, пытаясь понять, от кого пришло это сообщение.

Открыв послание, она с удовольствием отметила, что на этот раз вроде бы судьба повернулась к ней лицом.

«Привет! Мне очень-очень понравилась ты. Меня зовут Сергей. Я четыре года как живу в Германии, в Дрездене. Свое фото прилагаю. Пиши. Да, мне 28 лет, женат не был».

Аня внимательно рассматривала фотографию, и чем дольше она в нее всматривалась, тем сильнее ей нравился Сергей. Брюнет, с небольшой сексуальной бородкой, темные глаза и мощные плечи.

«Привет. Меня зовут Аня. Ты мне тоже очень понравился. Пиши, спрашивай, отвечу. Я сейчас живу в Бангкоке. Аня».

Она нажала enter, отправляя письмо адресату. Теперь оставалось только ждать.

Анжи отошла от компьютера и решила чем-нибудь перекусить, но по дороге на кухню вышла на балкон и в первый раз за последние месяцы счастливо улыбнулась.

Она присела на маленький стульчик и вспомнила свой первый день в этом городе.

Из международного аэропорта «Дон Муанг» они с Ия ехали в «тук-туке», открытой трехколесной штуковине с навесом и сиденьем на двоих. Девушка находилась в шоке от огромнейшего мегаполиса, где соседствуют ультрасовременные, величественные здания из стекла и бетона, и совсем рядом к ним жмутся лачуги из бамбука и как будто из картона. А сколько народу! Пропать людей, такое ощущение, словно кто-то потревожил гигантский муравейник.

Конечно, Аня бывала несколько раз в Москве, и даже тогда ее неприятно поразил мегаполис. Но утренний Бангкок не шел ни в какое сравнение с родной столицей, теперь казавшейся Ане всего лишь небольшим уютным городком. Современные скоростные эстакады на уровне 15—30 метров над землей вообще повергли девушку в священный трепет, Аня чувствовала себя героиней одного из фильмов ужасов, случайно попавшей в далекое буду-